

**Ирма МУЛЛОЕН,
Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН**

г. Петрозаводск

**В 1930 г. был создан
Институт языка,
литературы и истории
Карельского научного центра
Российской академии наук.
Первый его директор –
Эдвард Гюллинг –
в свое время являлся председателем
Правительства
Карело-Финской АССР.
В преддверии 80-летнего юбилея
института
с нынешним
его директором Муллонен
Ирмой Ивановной беседовала
главный редактор журнала «Север»
Елена Пиетияйнен.**

Е.П.: Ирма Ивановна, какова была цель создания Института языка, литературы и истории в Карело-Финской АССР?

И.М.: В 1930-е годы во многих республиках появляются научные учреждения. Не стала исключением и Карелия, где был создан комплексный Карельский научно-исследовательский институт, од-

ной из задач которого было содействие развитию культуры края. В то время как другие направления работы комплексного института оказались к концу 1930-х годов свернуты, гуманитарное направление оформилось в самостоятельный институт, призванный изучать историю, самобытную культуру и языки края. Сейчас нам трудно до конца понять, почему была сделана ставка на гуманитарное направление. Видимо, сказался целый комплекс причин – от ведомственной разобщенности в стране до приграничного положения Карелии.

Е.П. Как менялся взгляд на Карелию как приграничную территорию?

И.М.: Начну с того, что карельский этнос сформировался в приграничье. Историки подсчитали, что с 1323 до 1944 г. между Россией и Швецией, а затем Финляндией было заключено 40 мирных договоров, и каждый раз граница проходила по этнической карельской территории. Так что население и культура современной восточной Финляндии включает значительный карельский в своих истоках этнический компонент. Этот геополитический фактор всегда был важен для Карелии, которая была вынуждена жить, что называется, с оглядкой на соседа. В создании национальной республики, 90-летие которой отмечается в этом году, приграничное положение, безусловно, сыграло свою роль.

Е.П.: Не секрет, что Карелия рассматривалась как плацдарм для революции в Финляндии. И в 20-е гг. у власти в Карелии были так называемые «красные финны», что определяло и развитие нашей республики.

И.М.: У нас в институте не так давно выполнялся проект «Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века», позволивший проследить влияние этого самого финского фактора на самые разные сферы жизни Карелии – от приграничной торговли и заимствования финляндского агрохозяйственного опыта в ходе столыпинской реформы до значительного вклада финской диаспоры в экономическое и культурное развитие Карелии в XX веке. Особое внимание уделено функционированию финского языка в республике. В частности, финский язык, как имеющий письменность и литературную традицию, оказывал влияние и на развитие карельского языка. Карельские писатели впитали в свое творчество многие традиции финской культуры.

Е.П.: Как с течением времени изменились функции института?

И.М.: Фундаментальная задача – исследование языков, культуры и истории региона – осталась

прежней. Другое дело, что средства и методы решения этой задачи на разных этапах менялись. От описания отдельных явлений языка и культуры мы перешли к их сквозному анализу. Появились новые направления исследования, такие как этносоциология или социолингвистика, исследующие общественные функции языка и этнические процессы в современном обществе. Я хотела бы подчеркнуть, что институт всегда работал и на нужды республики, и в последние десятилетия прикладная составляющая даже усилилась. Во многом силами наших сотрудников создается национальная школа (учебники, словари, пособия для учителей, сама концепция развития, наконец). Наши исследователи участвовали в разработке Конституции РК, ряда законов, проводят мониторинг этносоциальной ситуации. Книги института по традиционной культуре востребованы музеями, фольклорными коллективами и вообще учреждениями культуры. Но «идеологическая» составляющая, бывшая важной и на этапе создания института, и позднее, сейчас явно ослабла, как, соответственно, ослабла и ресурсная поддержка работ института республикой. Мы функционируем, прежде всего, на средства федерального бюджета.

Е.П.: Какие крупные разработки есть в активе института?

И.М.: К крупным состоявшимся проектам можно отнести труды: «История Карелии» (под ред. Н.А. Кораблева, В.Г. Макурова, Ю.А. Савватеева, М.И. Шумилова), «Археология Карелии» (под ред. С.И. Кочуркиной), «История литературы Карелии» (под ред. Э. Карху, Э. Аалто, Ю. И. Дюжева, Е.И. Марковой), «Прибалтийско-финские народы России» (под ред. Е.И. Клементьева и Н.В.Шлыгиной), «Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков» – большой международный проект, результатом которого является солидный свод карт, позволяющий понять, к примеру, что прибалтийско-финский мир на протяжении многих столетий был ареной борьбы между Западом и Востоком, католичеством и православием, русским и германским влиянием. Приведу только один пример – названия дней недели. В то время как в финском языке господствуют шведские заимствования, остальные прибалтийско-финские языки сумели сохранить свою традиционную систему, которая основана на порядковых числительных, т.е. первый, второй и т.д. день. При этом, однако, название среды и пятницы – святых (постных) в православной традиции дней – заимствовано в восточные прибалтийско-финские языки (карельский, вепский, ижорский, водс-

кий), носители которых исповедуют православие, из русского языка. Языковые карты несут в себе, таким образом, большую культурно-историческую информацию.

Е.П. Да, в языке отражается культура.

И.М.: Языковеды оперируют понятием языковая картина мира – как человек отражает окружающий его мир средствами языка? Моя аспирантка анализировала, какие языковые образы используются в карельском и финском языках для названия дураков. Оказалось, что очень популярны так называемые «деревянные» метафоры, основанные на реальных свойствах дерева – например, его твердости (puupää «деревянная голова», pölkkyrää «полено-голова») или наличии больных деревьев с гнилой древесиной и полым стволом (pöhiö, tohelo, hontto – это, с одной стороны, обозначения трухлявых деревьев, с другой – дураков). Популярны и гастрономические метафоры, в которых актуализируется мотив вялости, медлительности умственной деятельности, что, в свою очередь, ассоциируется с бесформенными, растекающимися, жидкими кашами-смесьюми из ржаной муки на воде или молоке, иногда с добавлением ягод: huttu, pöppörö, tollo и некоторые другие – это одновременно и такие каши-смеси, и умственно неполноценные люди.

Е.П.: Но и в русском языке выражение «Ну ты и дуб!» означает нелестную характеристику умственных способностей человека.

И.М.: Видимо, универсальные, общечеловеческие представления об умственной неполноценности облакаются в одинаковые образы, возникновение которых связано с жизненным опытом и русских, и финнов – жителей лесов. Только выбор деревьев разный – сообразно своей среде.

Е.П.: Когда я переводила стихи финского поэта-классика Эйно Лейно, то обратила внимание на повторяющуюся необычную метафору: женщина часто сравнивается с лыжами. Причем это лестное сравнение. В русской литературе такие сравнения показались бы неуместными и смешными. Что значат лыжи для финнов? И почему женщина, похожая на лыжи, достойна восхищения?

И.М.: Для меня такое сравнение необычно. Мой опыт говорит о том, что образный мир финнов продиктован особенностями крестьянской культуры, в которой здоровье, основательность, трудолюбие, хозяйственность женщины ценились значительно больше, чем красота. Финская пословица утверждает, что красоту в горшок не положишь.

Е.П.: *Как не вспомнить Н.А. Некрасова с его поэтической характеристикой женщины: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет!» Кажется, в русской крестьянской культуре ценятся те же женские качества. У нас – кони, у финнов – лыжи. В образах – появление этнического своеобразия народов.*

И.М.: Интересно, что некоторые слова, выражающие эмоциональное состояние человека, заимствованы в финский язык из русского. Среди них, например, слова со значением «печаль», «тоска», «свобода». Можно полагать, что за этим стоит та самая финская сдержанность и даже некоторая «замороженность», на которую обращают внимание соседи. С другой стороны, особенности карельского мировосприятия отражаются в обилии дескриптивных глаголов, десятки которых проникли из карельского языка в русские говоры Карелии, среди них шугайдать, арандаты, вигандаты, кибхатать, карандаты и многие другие.

Е.П.: *Мы много говорили о взаимовлиянии культур. Каковы взаимоотношения финского и карельского языков?*

И.М.: Историческая судьба карельского этноса такова, что ему не суждено было, несмотря на огромный потенциал, основать свое государство, а карельскому языку, соответственно, стать государственным. Такая ситуация потенциально могла возникнуть в 1920-е годы, когда была образована Карельская Трудовая Коммуна, однако финны, возглавлявшие в то время республику, взяли курс на использование финского языка, близко родственного карельскому, имевшего традицию функционирования в качестве государственного. Сейчас иногда говорят, что финский язык на том этапе послужил препятствием для развития карельского, хотя объективно понятно, что в тех условиях карельский язык не готов был взять на себя роль официального языка. С другой стороны, мне бы хотелось напомнить позицию целого ряда писателей-карелов из Беломорской Карелии – Я. Ругова, Н. Яаккола, П.Пертту и других, которые воспринимали финский как свой родной язык, на котором создали классические для карельской литературы произведения. Кроме того, будучи языковедом, я понимаю, какой потенциал представляет финский язык для создания современной карельской письменности, и вижу, что этот потенциал используется для образования новой лексики, разработки законов орфографии, упорядочения грамматики.

Е.П.: *Следуя логике нашего разговора, разумно спросить, почему Институт языка и лите-*

ратуры не занимается русским языком? Ведь прибалтийско-финские языки в Карелии издавна соседствовали с русским. И русских в Карелии проживает подавляющее большинство.

И.М.: Так сложилось, что изначально исследования в области русистики не были заложены в научные направления института. С появлением университета и пединститута эти исследования сосредоточились там. При этом я хотела бы все же подчеркнуть, что русская составляющая присутствует в исследованиях института по этнографии, фольклору, литературе. Так, все годы существования института в планах работ были исследования по русскому фольклору, столь богатому в нашем крае. У нас, кстати, хранится одна из лучших в России архивных коллекций фольклора, которую начинали собирать наши предшественники еще в 1930-е годы. А книги по русской свадьбе Заонежья, по русской народной исторической и мифологической прозе и другие хорошо известны и востребованы. К. Логиновым выделены и исследованы традиционные этнолокальные группы русского населения Карелии, а Ю. Дюжевым русская проза Европейского Севера. Что же касается русского языка, то в самое последнее время мы предприняли один очень интересный проект – издание «Словаря живого поморского языка», рукопись которого была подготовлена краеведом из Сумского Посада Иваном Матвеевичем Дуровым. Он работал над словарем в течение 20 лет, и рукопись стала делом всей его жизни. Она поступила в Институт в 1934 году, а в 1937 году Дуров был арестован и через год расстрелян. В течение многих десятилетий рукопись – восемь записанных от руки томов – хранилась в архиве и была почти забыта. Мы вспомнили о ней в Год русского языка и очень надеемся, что скоро этот памятник языка и культуры Поморья, который включает более 12 000 поморских диалектных слов с подробнейшими описаниями их значений и колоритными примерами, будет издан.

Е.П.: *Каковы планы Института языка и литературы на будущее?*

И.М.: Да, юбилей заставляет задуматься о планах. Я назвала бы главным пунктом этих планов сохранение и развитие сложившихся направлений исследования. Например, институт – единственное в России академическое учреждение, в котором целенаправленно исследуются прибалтийско-финские языки и вообще прибалтийско-финская культура региона. Эта работа должна быть продолжена. Ведется исследование сложения Карелии как единой административной территории. В Год, когда отмечается 90-летие государственности, мы понима-

ем, что в действительности Карелия как административная единица имеет значительно более глубокие корни, восходящие к Корельской земле XIII века. Планируются новые археологические экспедиции, в том числе связанные с поиском и исследованием петроглифов. Напомню, что в последние годы благодаря новым методам удалось открыть более 300 новых петроглифов. Будет продолжено исследование традиционной культуры населяющих Карелию народов, мифологических истоков фольклора.

Е.П.: Что дают эти исследования?

И.М.: Как это ни парадоксально, но мифология – актуальное явление в современной жизни, потому что человечество продолжает творить мифы по сей день: мифы политические, экономические, мифы о России и мифы об Америке... Исследуя прошлое, мы одновременно вписываем настоящее в исторический контекст, извлекаем исторический опыт, важный для понимания современности. В ходе археологических исследований раскрываются проблемы адаптации человека к окружающей его среде, механизмы взаимодействия с соседними культурами, и в этом плане нам есть чему поучиться у древних – той же толерантности. Изучая праздничную традицию, мы понимаем, что праздники занимали исключительно важное место в жизни традиционного общества. Праздники – своего рода вехи в годовом цикле. Они упорядочивают время и наполняют его особым смыслом. С отменой традиционных праздников общество лишилось некоего важного стержня.

Е.П.: Решение таких серьезных задач требует наличия высококвалифицированных специалистов. Каков кадровый потенциал Института языка, литературы и истории?

И.М.: В небольшом коллективе института работают 9 докторов и 26 кандидатов наук, что говорит о высоком профессионализме сотрудников. С другой стороны, в трудные 1990-е годы мы потеряли среднее поколение – почти нет сейчас сорокалетних научных работников, на которых должна делаться основная ставка. В связи с тем, что в последнее время государство стало обращать больше внимания на науку и поддерживать ее финансово, появился интерес к науке у молодежи. Однако возможностей приема на работу молодых у нас немного, поэтому очень важно сделать правильный выбор. Наукой может заниматься не каждый. Одного желания недостаточно, нужно иметь способность к научной деятельности и большое трудолюбие. Кроме того, наука – это творчество. Очень хотелось бы, чтобы молодое поколение института выросло в специалистов высокой квалификации.

Е.П.: Красной нитью нашего разговора проходила тема сохранения исторических и иных корней, без которых никакое «древо жизни» не зазеленеет. Кого можно назвать «столпами» Института языка и литературы?

И.М.: Это такие знаковые для института фигуры, как Э.Г. Карху, Г.М. Керт, Г. А. Панкрушев, А.С. Степанова, В.В. Пименов, Г.Ф. Тароева и др.

Е.П.: И, несомненно, в будущем к этому списку славных имен присоединят и тех, кто работает с Вами сегодня. Дальнейших Вам и коллективу института успехов и свершений!

Ирма Ивановна МУЛЛОНЕН,

директор Института языка, литературы и истории

Карельского научного центра РАН,

доктор филологических наук, профессор.

Работает в Институте после окончания ПетрГУ.

Специалист в области прибалтийско-финского языкознания.

Автор более 150 научных публикаций, в том числе 7 книг.

